

Интервенция в Сирии как инструмент российской политики давления на ЕС

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 470

Апрель 2017 г.

Павел К. Баев¹

Институт исследований мира, Осло

Ракетный удар США по сирийской авиабазе Эш-Шайрат в ночь на 7 апреля 2017 не стал переломным моментом в трагической гражданской войне и оказался всего лишь эпизодом в сумбурной политике самих Соединенных Штатов, но он выявил уязвимость российского военного присутствия в Сирии и шаткость позиций России на Ближнем Востоке. Большинство региональных держав, с которыми Россия старательно выстраивала партнерские отношения – от Турции до Египта, и от Израиля до Саудовской Аравии – безоговорочно поддержали американскую силовую акцию, так что протесты Москвы прозвучали диссонансом. Дым от разрушенных капониров давно рассеялся, но вопрос о смысле российской интервенции, начатой в конце сентября 2015 года под оглушительный грохот пропагандистской канонады, приобрел новые оттенки, осложняющие обоснование ее целесообразности. У этого эксперимента в «загоризонтном» проецировании силы было много параметров, включая принуждение США к стратегическому диалогу «на равных», убеждение Китая в весомости России как партнера, отвлечение внимания от военного тупика в донбасском конфликте, и в конце концов сохранение «дружественно-диктаторского» режима Асада.

Повороты многих событий весной 2017 года – от катарского скандала до выборов во Франции – заставляют обратить внимание на еще один параметр российской интервенции: Давление на уязвимые точки западного анти-российского единства. Европейский Союз представлялся из Москвы бюрократией, парализованной разногласиями и сотрясаемой центробежными силами, так что для решения вопроса об отмене санкций требовался лишь небольшой толчок. Сирия должна была стать таким толчком, но оказалась наоборот стимулом к выработке единой позиции ЕС по России. Москва пыталась одновременно продвигать диалог с Вашингтоном и использовать отступление США из Ближнего Востока, налаживать сотрудничество с Евросоюзом и усугублять его проблемы – и заигралась в единство и борьбу противоположностей.

¹ [Nikolai Sokov](#) - старший научный сотрудник Центра изучения проблем нераспространения имени Джеймса Мартина в Миддлберийском институте международных исследований.

Переплетение интересов и кризисов

Внезапное и решительное начало российской интервенции в Сирии вызвало мощный международный резонанс в октябре 2015 года и произвело сильное впечатление на Евросоюз. Прошло несколько месяцев пока на фоне конфликта с Турцией стало ясно, что масштаб этой интервенции ограничен и ее воздействие на ход гражданской войны в Сирии сводится к предотвращению поражения сил режима аль-Ассада. Падение Алеппо в декабре 2016 года дало новый кратковременный резонанс, но не стало – вопреки утверждениям из Москвы – поворотным пунктом в войне, которым может оказаться падение Ракки и Мосула летом 2017 года.

Меняющиеся миграции

Российские авиаудары не привели к какому-либо увеличению потока беженцев, но они совпали по времени с огромным всплеском миграции в направлении греческих островов с турецкого побережья осенью 2015 года. Стратегия Национальной Безопасности, новая редакция которая была утверждена Президентом Путиным в последний день 2015 года, дала однозначную [интерпретацию](#) этому кризису: «Активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу показала несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Европейского союза» (Ст. 16).

Москва стремилась усугубить эту «несостоятельность» путем расширения связей с различными анти-иммигрантскими партиями в Европе, а также посредством прямого давления на соседние [Финляндию](#) и [Норвегию](#). Такое поведение вызвало нервно-негативную реакцию в большинстве европейских столиц, где звучали обвинения в использовании миграционного кризиса в качестве политического «[оружия](#)», как выразился в частности командующий ОВС НАТО в Европе генерал Филип Бридлав. В действительности же Россия не имела никаких возможностей регулировать поток сирийских беженцев, тогда как подлинным манипулятором этого кризиса была Турция.

В пылу политических страстей, возбужденных турецким «вероломством», выразившемся в уничтожении российского бомбардировщика в конце ноября 2015 года, Москва упустила важный нюанс в своих попытках использовать миграционный кризис – каждый такой шаг играл на руку Анкаре в ее переговорах с Евросоюзом, на которых она в итоге [выторговала](#) немалые субсидии. Только когда транс-мало-азиатский коридор миграции закрылся в результате соглашения между ЕС и Турцией по проблеме беженцев в марте 2016 года, российские дипломаты обнаружили, что они активно помогали наиболее заклятому на тот момент врагу решать его проблемы в Брюсселе. Маятник дипломатических интриг качнулся обратно в сторону Москвы уже в июле 2016 года, когда провал попытки военного переворота в Турции привел к волне репрессий и ущемлению гражданских свобод – и к неизбежному нарастанию [разногласий](#) между Турцией и Евросоюзом. Путин выразил полную поддержку действий Эрдогана и продолжает играть на его раздражении по поводу претензий ЕС, конструируя «[ось отверженных](#)».

Россия при этом сама сталкивается с серьезными и динамичными миграционными проблемами, но практически оставила попытки найти осмысленные политические решения. Новая волна миграции на Запад наиболее образованной и профессионально состоявшейся части среднего класса, настоящие масштабы которой в [три-четыре раза](#)

[больше](#) официальной статистики, вообще не считается проблемой, поскольку сокращается протестный потенциал. По мере угасания озабоченности в обществе по поводу трудовой миграции из Средней Азии, которая поставила Москву на [первое место](#) в Европе по численности мусульманского населения (исключая Стамбул), были свернуты и попытки регулирования этого потока. Взрыв в метро в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 года, произведенный террористом-смертником из Ошского района Киргизстана, связанным с одним из ответвлений аль-Каиды, показал новую [глубину](#) этой проблемы.

Какой контр-терроризм?

Политическим предисловием к военной интервенции в Сирии была речь Путина на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в которой он предлагал строительство широкой анти-террористической коалиции. Это предложение было адресовано не арабским странам, которые были обескуражены готовностью России вступить в союз с Ираном, но главным образом европейским державам. Не прошло и двух месяцев после начала российской операции, как Франция была потрясена взрывами и автоматными очередями при [нападении](#) группы террористов в Париже, что создало необходимость активных действий в Сирии, в том числе совместных ударов с Россией. Этот политический императив оказался кратковременным, поскольку разразившийся вскоре российско-турецкий кризис затронул и НАТО, которая была вынуждена оказать поддержку Анкаре. На фоне этого кризиса ясно проявилась неосуществимость совместных действий России и европейских держав, нацеленная на предотвращение распространения сирийской войны в Европу. Франция и остальные страны коалиции считали необходимым концентрацию усилий на задаче уничтожения ИГИЛ, тогда как Россия настаивала на расширенной кампании против всех мятежников, воюющих с режимом аль-Ассада, и вела войну с воздуха, не считаясь с гуманитарными соображениями.

Ссора с Турцией была постепенно урегулирована, и с начала 2017 года Россия стала наносить больше авиаударов по целям ИГИЛ, что позволило войскам режима аль-Ассада снова занять [Пальмиру](#), освобожденную первый раз в апреле 2016 года, но оставленную мятежникам в декабре. В этот раз было решено обойтись без [концерта](#), тем более, что [катастрофа](#) с самолетом Ту-154 доказала неуместность такого рода пропагандистских акций. Россия стремилась перевернуть страницу со словом «Алеппо» и начать новый раунд переговоров с европейцами о совместных действиях, но для них основная установка российской интервенции на сохранение режима аль-Ассада оставалась неприемлемой.

Эта установка подверглась некоторой корректировке по ходу выстраивания новой прото-коалиции, объединяющей Россию, Турцию и Иран, которые инициировали новый [переговорный формат](#) в Астане. Одним из условий устойчивости этого треугольника было обещание Москвы признать отряды самообороны сирийских курдов (YPG) террористической организацией, как того требовала Анкара. Взвесив за и против такого шага, и приняв во внимание тот факт, что YPG является главным [союзником](#) США в сирийской войне, Россия продолжает политические контакты и тактическое взаимодействие с сирийскими курдами. Это вызывает серьезное раздражение в Анкаре и приводит к периодическому [обострению](#) отношений и [провисанию](#) переговоров.

Шаткость турецкой вершины треугольника показывает, что единственным надежным союзником России в сирийской кампании является Иран, при этом шиитские военизированные формирования контролируют ситуацию вокруг российских баз. Такая зависимость делает для Москвы невозможным политический вариант сближения или даже присоединения к широкой анти-ИГИЛовской коалиции, в которой лидерство США остается [центральным элементом](#), несмотря на все зигзаги Трампа.

Европейцы могли бы принять такую самостоятельную роль, но для них остается неприемлемым характер ее исполнения Россией. Безоговорочное отрицание Москвой ответственности режима аль-Ассада за использование химического оружия при авиаударе по городу Хан-Шейхун в апреле 2017 года превращает ее в глазах Европы в [соучастника](#) в этом преступлении. Отмена визита министра иностранных дел Великобритании Бориса Джонсона в Москву могла бы остаться малозначительным дипломатическим [эпизодом](#), но резкая [позиция](#) президента Франции Эммануэля Макрона не оставляет сомнений в размерах репутационного ущерба России от этого кризиса.

В пропагандистском обеспечении российской политики противодействия терроризму особый акцент был поставлен на необходимость уничтожения экстремистов исламского толка в Сирии, с тем чтобы предотвратить их проникновение или возвращение в Россию. Логическим следствием такой постановки задачи является предоставление и даже «поощрение» свободного [выезда](#) потенциальных боевиков с Северного Кавказа на Ближний Восток, что с неизбежностью порождает риск возвращения прошедших боевое крещение ветеранов. Этот риск пока еще не трансформировался в реальную угрозу, но [нападение](#) отряда террористов на казарму Росгвардии в Чечне в марте 2017 года показало неготовность к ее отражению. С точки зрения европейских стран, российская политика «экспорта» кадров для ИГИЛ столь же неприемлема, как и обеспечение стабильности путем жестоких репрессий, которые практикует режим Кадырова в Чечне. Такие практики, так же как и авиаудары по больницам в Сирии, подрывают перспективы сотрудничества в области борьбы с терроризмом, о [приоритетности](#) которой не устают говорить российские политики и [эксперты](#).

Манипуляции конфликтами вместо урегулирования

Когда в середине 2016 года иракские войска и пешмерга (отряды иракских курдов) при поддержке американской авиации начали окружение сил ИГИЛ вокруг Мосула, для Москвы главным содержанием сирийской политики стало налаживание взаимодействия с Вашингтоном. Европейские державы не имели ничего против свертывания многосторонних переговоров и сужения формата до серии встреч между Сергеем Лавровым и Джоном Керри. Такое самоустранение позволяло им снять с себя ответственность за трансформацию сирийского конфликта, при том, что поток беженцев через Турцию удалось остановить. [Особых иллюзий](#) относительно результативности дипломатии двух министров в Европе не питали, но [провал](#) их договоренности по прекращению огня в середине сентября 2016 года застал всех врасплох. Разнонаправленность ближайших задач России и США и невозможность доверия были вполне очевидны для подчеркнута сторонних европейских наблюдателей, но отсутствие альтернативного формата делало позицию невмешательства некомфортной.

В этот момент срыва дипломатических усилий, в центре внимания оказалась «битва за Алеппо», которую Москва в течение многих месяцев использовала не как решающий фронт боевых действий, а как удобный [пункт для давления](#) на переговорах, где каждая новая серия авиаударов подталкивала США к новым компромиссам. Развал двустороннего формата означал, что Россия перегнула палку с этой слишком прямолинейной тактикой. Бомбардировки жилых кварталов характеризовались западными комментаторами не иначе, как «варварские», многие европейские политики заговорили о [военных преступлениях](#), а в Германии стали даже обсуждаться [параметры](#) новых санкций, хотя поддержка режима санкций, введенного из-за войны в Украине, размывалась. Французский президент Франсуа Олланд посчитал возможным [заявить](#) с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, что сирийская трагедия должна быть остановлена, но попытка Франции зафиксировать лозунг «Довольно» в резолюции Совета Безопасности была остановлена [российским вето](#) – и не получила продолжения.

В Москве тем не менее появилось понимание, что возмущение российской интервенцией может зайти слишком далеко, и была проявлена готовность к де-эскалации, зафиксированная в нескольких односторонних инициативах по прекращению огня. Эти краткосрочные паузы принесли мало облегчения осажденному Алеппо, но позволили российскому руководству сбить волну протестов и подготовить следующий рычаг давления. Авианосец Адмирал Кузнецов давно готовился к боевому походу, и в ноябре он наконец отправился из Баренцева моря в Средиземное. Расчет был на [демонстрацию флага](#) европейским странам, у которых, в отличие от США, не осталось боевых кораблей такого класса, но общее впечатление оказалось ниже среднего. Испания и даже Мальта отказались дать [разрешение на дозаправку](#) российского флагмана, дым из трубы которого стал информационным поводом для многих комментариев. Комплекс ракетного оружия П-700 Гранит уступает более современным крылатым ракетам Калибр, которые [российские эксперты](#) считают ответом на американские Томагавки, а крыло палубной авиации лишь символически усилило группировку ВКС на базе Хмеймим, и при этом потеряло два самолета (МиГ-29К и Су-33) из-за [отказа финишеров](#). Теперь Кузнецову предстоит [длительный ремонт](#), так что арсенал инструментов проецирования силы существенно опустел еще до сокращения военных расходов.

Неудача с походом авианосца возможно стала одним из побудительных мотивов к развертыванию решительного наступления на Алеппо, и к середине декабря сопротивление было окончательно сломлено. В европейских столицах, и тем более в Вашингтоне наличествовала готовность перевернуть эту страницу, но возобновление [жневских переговоров](#) оказалось малоосмысленным. Решение Москвы запустить [новый формат](#) сирийских переговоров в Астане без участия Запада стало сюрпризом для большинства вовлеченных в конфликт региональных и мировых держав, которые имели все основания для индифферентно-[скептического](#) отношения, превалирующего и до сих пор. Для Москвы стало необходимым доказать состоятельность изобретенного формата, и трудно-осуществимое соглашение о «зонах де-эскалации» стало основой такого доказательства. Проблема даже не в том, что каждодневные нарушения с неизбежностью [подорвут](#) эту попытку локализовать гражданскую войну. Россия создала себе более масштабную проблему переформатировав решаемую задачу убедить Запад в том, что без нее сирийский кризис регулированию не поддается, в сверх-задачу

добиться окончания войны без участия Запада, которая решения не может иметь в принципе.

Перспективы всегда в тумане, но к переменам никто не готов

Решение на интервенцию в Сирию было принято в Москве на основе большого набора плохо совместимых целей и задач, которые за полтора года боевых действий существенно трансформировались, так что в настоящее время операция находится в стадии неопределенности, без ясной стратегии достижения победы и без плана свертывания. Необходимость переосмысления результатов и разработки вариантов выхода из тупика, в котором растущие затраты накладываются на высокий риск, вполне очевидна, но геополитические амбиции и неготовность военного командования и политического руководства допустить саму возможность серьезных просчетов задают установку на продолжение авиационных ударов и упрочение военного присутствия.

Одним из конкретных результатов этого эксперимента в проецировании силы стала неудача в попытках наладить совместное управление сирийским конфликтом с Евросоюзом, с тем, чтобы сократить поддержку антироссийского курса и ослабить режим санкций. Попытки Москвы использовать миграционный кризис в конце 2015 года оказались контр-продуктивными и были свернуты в течение 2016 года.

Настойчивые предложения объединить усилия в борьбе с ИГИЛ продолжают обсуждаться на высшем уровне, но для европейских держав стали очевидными результаты боевых действий против всех вооруженных формирований, сражающихся против режима аль-Ассада, как против террористических группировок.

Ответственность Москвы за применение химического оружия в апреле 2017 года сделала совместные действия практически невозможными.

В Москве продолжают делать ставку на то, что массированная поддержка режима аль-Ассада снимет все вопросы относительно его устойчивости. Путин стремится убедить европейских лидеров (равно как и Эрдогана), что «законное» правительство аль-Ассада является единственной альтернативой хаосу и развалу государства. В [декларативной политике США](#) и ведущих европейских держав требование отстранения аль-Ассада от власти действительно снято, но [неприемлемость](#) этого режима, считающегося виновным в преступлениях против человечества, остается непреложным моментом. Вопрос заключается в том, как уже привычный расклад сил и ставки основных участников затяжной войны изменятся после ожидаемого поражения ИГИЛ в двух ключевых сражениях – за Мосул и Ракку.

Смена администрации США не изменила установки на нанесение решительного удара по ИГИЛ в этих центрах, но поставила новые вопросы о наличии в Вашингтоне стратегии дальнейших действий. Представляется вполне вероятным вариант снятия с себя руководством США всякой ответственности за послевоенную реконструкцию Ирака, и тем более – Сирии. Нельзя исключать даже такого зигзага, когда аль-Ассад будет переквалифицирован в [«естественного союзника»](#) в борьбе с терроризмом и станет ключевой фигурой в механизме умиротворения Сирии. У Москвы есть основания полагать, что при таком повороте американской политики европейцы будут вынуждены оставить позицию «морального превосходства» и вернуться к циничному, но эффективному манипулированию марионеточными группировками.

Поскольку апрельский ракетный удар не получил продолжения, а ближневосточное турне Трампа привело лишь к раскручиванию кризиса вокруг Катара, вопрос о готовности США нести [бремя лидерства](#) в ближневосточном регионе вызывает все больше сомнений. В Кремле эти сомнения трансформируются в расчет на отступление США, что подталкивает к переформатированию интервенции в Сирии в долговременное военное присутствие, несмотря на затраты и потери. Базы в Латакии и Тартусе важны не только как инструмент воздействия на развитие событий на сирийско-иракском театре войны, но и как средство манипуляции трансатлантическими противоречиями. Одним из узлов этих противоречий уже в ближайшей перспективе может стать Иран, поскольку Трамп настроен [аннулировать](#) сделку по ядерной программе, а европейцы настаивают на развитии диалога и полной отмене санкций, в особенности после победы Хасана Рухани на майских выборах. Другим фокусом разногласий является Ливия, где Евросоюз продвигает план мирного урегулирования, а у России есть способы его [торпедировать](#), не ввязываясь в новую интервенцию. Игра на противоречиях и конфликтах часто дает результат при небольших затратах, особенно если риск для материальных интересов невелик, но в ближневосточной политике России амбиции и прагматизм ставят несовместимые задачи, а шаги по опасным пескам часто диктуются желанием отвлечь внимание от еще более опасных болот.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2016. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org